

Монтегю ДЖЕЙМС

КЛАССИКА ЛИТЕРАТУРЫ УЖАСОВ

Это — «Золотая коллекция черной литературы». Лучшие из лучших мастеров «классического хоррора» — от классики прошлого до «королей ужасов» наших дней...

ПЛАЧУЩИЙ КОЛОДЕЦ

Annotation

Англичанин по фамилии Рэксолл, дабы собрать материалы для книги, отправляется в Швецию. Случай приводит его в поместье Робек. Здесь, изучая семейные бумаги владельцев поместья, он узнает о таинственном Магнусе де ла Гарди. Человеке, имя которого вызывает у людей страх.

- [М. Р. Джеймс](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

М. Р. Джеймс

Граф Магнус

Каким образом бумаги, позволившие мне составить связный рассказ, попали в мои руки, читатель этих страниц узнает в последнюю очередь. Но что представляют собой эти материалы, я считаю нужным пояснить прежде, чем приступлю к самому повествованию. Отчасти они представляют собой подборку подготовительных заметок для книги о путешествиях из числа тех, какие были весьма популярны в 40–50-е гг. и прекрасным образцом коих может служить «Журнал пребывания в Ютландии и на Датских островах» Нораса Мэрриэта. В таких книгах, как правило, давались описания каких-либо редко посещаемых уголков Континента, иллюстрированные оттисками гравюр на дереве или на металле. Они содержали все сведения о дорогах, гостиницах, почтовой связи и прочих необходимых путешественнику вещах, какие обычно мы рассчитываем найти в хорошо изданном путеводителе с добавлением многочисленных бесед с просвещенными иностранными путешественниками, колоритными содержателями трактиров и словоохотливыми крестьянами, пересыпающими речь простонародными словечками. Короче говоря, в них содержалось немало всяческой болтовни.

Для меня все началось как раз с попытки собрать материал для подобной книги, но со временем работа свелась к разбору документов, оставшихся после одного-единственного путешественника, чье последнее путешествие стало для него роковым.

Автором вызвавших мой интерес бумаг являлся некий мистер Рэксолл, о котором, не будучи знаком с ним лично, я располагаю лишь косвенными, из этих самых бумаг и почерпнутыми сведениями. Судя по всему, он был старше среднего возраста, располагал некоторыми личными средствами и вел уединенный образ жизни. Не имея семейного гнезда и постоянного жилища, этот джентльмен селился в гостиницах или пансионах. Возможно, он тешил себя надеждой более прочно обосноваться где-нибудь в будущем, но это будущее так для него и не наступило. Возможно, случившийся в начале семидесятых годов пожар в Пантехнике уничтожил большую часть материалов, способных пролить свет на прошлое Рэксолла, ибо он раз или два упоминал о своей собственности, находившейся в этом заведении. По некоторым намекам можно предположить, что он издал книгу об отдыхе в Бретани, но больше о этом труде я ничего сказать не могу, ибо все библиографические разыскания оказались тщетными. Должно быть, сочинение вышло в свет или анонимно, или под псевдонимом.

Изученных мною материалов, пожалуй, достаточно, чтобы сформировать по крайней мере поверхностное представление о характере этого, судя по всему, умного и образованного человека. По свидетельству календаря, он был весьма близок к тому, чтобы стать членом Совета Брэзеноуз — своего колледжа в Оксфорде. Насколько я могу судить, главным его недостатком являлась чрезмерная любознательность: возможно, для путешественника это не такой уж и порок, но именно он привел Рэксолла к гибели.

Последнее его путешествие было предпринято для написания книги о Скандинавии, не слишком хорошо известной англичанам в сороковые годы. Возможно, ему довелось прочесть какие-нибудь мемуары или труд по истории Швеции, натолкнувший его на мысль, что описание путешествия по этой стране, перемежаемое рассказами о деяниях ее выдающихся людей, может представлять немалый интерес. Рэксолл заручился рекомендательными письмами к влиятельным персонам и в начале лета 1863 г. приступил к осуществлению своего замысла.

Нет смысла рассказывать здесь о его поездке по северу страны, равно как и о нескольких

неделях, проведенных в Стокгольме. Должен лишь упомянуть, что кто-то сведущий из тамошних жителей навел его на след хранившегося в старинной усадьбе в Западном Готланде ценного семейного архива и добыл для него разрешение ознакомиться с этими бумагами.

Помещичий дом, или *berrgard*, о котором идет речь, следует называть *Rabak* (произносится примерно как «Робек»), хотя данное наименование, кажется, относится ко всему имению. Это здание считается одним из лучших такого рода строений в стране и на помещенной в книге «*Suecia antiqua et moderna*»^[1] гравюре Даленберга, выполненной в 1694 г., его можно видеть почти таким же, каким оно предстает взору туриста в наши дни. Возведенное в самом начале 17 в., оно и материалом — красный кирпич с каменной облицовкой, — и стилем напоминает английские усадебные постройки того же периода. Заложил его вельможа из могущественного рода де ла Гарди, потомки которого владеют им и поныне. Это родовое имя — де ла Гарди — мне еще не раз предстоит упомянуть.

Хозяева поместья приняли Рэксолла с величайшим радушием и предложили оставаться под их кровом столько времени, сколько продлятся его исследования. Однако же он, не желая никого обременять и не слишком полагаясь на свое знание шведского языка, предпочел поселиться в деревенском трактире, предоставлявшем, во всяком случае летом, вполне приемлемые условия проживания. Правда, размещение в трактире повлекло за собой необходимость каждодневно совершать короткую — примерно в милю — прогулку до усадьбы и обратно. Сам стоявший посреди разросшегося парка хозяйский дом почти скрывали могучие строевые деревья. Рядом находился обнесенный оградой сад, а за садом, возле одного из усеивавших окрестности маленьких озер, начинался самый настоящий лес. Пройдя лесом, вы могли подняться на скалистый, едва прикрытый тонким слоем почвы бугор, где стояла обнесенная забором из потемневших древесных стволов церковь, на взгляд англичанина представлявшая собой любопытное сооружение. И неф, и приделы были низкими, со скамьями и галереями. В западной галерее красовался ярко раскрашенный старинный орган с серебряными трубами. На плоском потолке художник 17 века поместил странную и страшноватую роспись на тему Страшного суда со множеством огненных всполохов, рушащихся зданий, объятых пламенем кораблей, вопящих грешников и ухмыляющихся демонов. С потолка свисали красивые бронзовые венцы, кафедра, украшенная маленькими, раскрашенными резными фигурками херувимов и святых, походила на кукольный домик, а к аналою крепилась стойка с тремя песочными часами. Впрочем, подобное убранство можно и поныне встретить во многих церквях Швеции, эту же отличало наличие пристройки к первоначальному зданию. У восточной оконечности северного придела повелением первого владельца усадьбы для него самого и его потомков возвели усыпальницу — внушительное строение, в плане представлявшее собой восьмиугольник со множеством овальных окон и сводчатой крышей, увенчанной пошлым на тыкву шаром и вздымавшимся над ним шпилем — излюбленными архитектурными деталями тогдашних шведских зодчих. Выложенная медью крыша была выкрашена в черный цвет, тогда как стены усыпальницы, так же как и церковные, сияли ослепительной белизной. Из церкви доступа в усыпальницу не имелось, а с северной ее стороны находилось крыльцо со ступенями.

Пожалуй, стоит добавить, что мимо самой усыпальницы проходила тропа, путь по которой до деревни занимал всего три-четыре минуты.

В первый же день своего пребывания в Робек мистер Рэксолл, найдя церковную дверь открытой, зашел внутрь и сделал подробное описание внутреннего убранства, то самое, с которым вы ознакомились в моем кратком изложении. Однако в усыпальницу он попасть не смог, а заглянув в замочную скважину, смог увидеть лишь мраморные изваяния, медные саркофаги и множество геральдических изображений, что вызвало у него естественное желание

познакомиться с этими предметами поближе.

Впрочем, и архив, изучением которого он занялся в главном доме, оправдал его ожидания, ибо содержал как раз такие бумаги, какие требовались для написания книги: семейную переписку, купчие, счета и прочие документы, содержащие немало любопытных сведений о былых владельцах имения. О первом де ла Гарди эти рукописи повествовали как о человеке сильном, мужественном и суровом. Вскоре после возведения усадьбы в округе случился неурожай, и недовольство крестьян вылилось в нападение на некоторые поместья. Владелец Робека возглавил подавление восстания, твердой рукой привел мятежников к смирению и обуздал непокорство беспощадными карами.

В усадьбе имелся превосходный портрет первого владельца, и хотя данное мистером Рэксоллом описание не является исчерпывающим, можно заключить, что лицо вельможи поразило исследователя внутренней мощью, но отнюдь не красотой или добротой. Из слов Рэксолла можно даже заключить, что граф Магнус был на редкость безобразен.

В тот день, отужинав в усадьбе, мистер Рэксолл поздним, но ясным вечером пешком вернулся на постоялый двор, где сделал следующую запись. «Я должен постараться не забыть завтра же попросить церковного сторожа пустить меня в усыпальницу при церкви. Сегодня вечером он стоял на ступенях крыльца, и кажется, то ли открывал, то ли закрывал дверь, так что у него, наверное, есть ключ».

А на следующее утро у мистера Рэксолла состоялась продолжительная беседа с содержателем трактира. Поначалу я удивился, с чего ему вздумалось так подробно записывать рассказы трактирщика, однако тут же сообразил, что, скорее всего, задуманная им книга должна была относиться к тем квазижурналистским произведениям, в которых использование всяческих толков вполне допустимо.

Так или иначе, по собственному признанию, Рэксолл ставил своей целью выяснить, сохранились ли в округе устные предания о графе Магнусе де ла Гарди, и если сохранились, то каким человеком он в них предстает. Выяснилось, что граф пользовался недоброй славой. Рассказывали будто он раскладывал на козлах, порол и клеймил крестьян всего лишь за опоздание в урочный день на барщину, а дома людей, без графского дозволения поселившихся в его владениях, таинственным образом загорались и сгорали дотла вместе с хозяевами. Но самое худшее — во всяком случае так считал не раз повторивший данное утверждение содержатель гостиницы — заключалось в том, что граф совершил Черное Паломничество и доставил оттуда нечто или кого-то.

Вы, конечно же, заинтересуетесь тем, что же это за Паломничество. Но ваше любопытство останется до поры неудовлетворенным, как осталось и любопытство Рэксолла, поскольку трактирщик наотрез отказался вдаваться в какие-либо подробности, а как только его окликнули под пустяшным предлогом, улизнул из комнаты и спустя несколько минут, просунув голову в дверь, объявил что уезжает в Скару и не вернется до вечера.

Таким образом, мистеру Рэксоллу пришлось вернуться к своим трудам в архиве, и когда он погрузился в переписку за 1705–1710 гг. между жившей в Стокгольме Софией Альбертиной и ее замужней кузиной Ульрикой Ленорой из Робека. Письма эти — что может подтвердить всякий, ознакомившийся с их полной подборкой, опубликованной Шведской комиссией по историческим манускриптам, — представляют немалый интерес, поскольку во многом проливают свет на культуру Швеции того времени.

Покончив после обеда с письмами и вернув короба, в которых они хранились на их место на полке, он, что вполне естественно, принялся снимать оттуда ближайшие тома и подшивки, чтобы определить, какие из них станут предметом его исследований на завтрашний день. Полка была заставлена главным образом счетными книгами самого графа Магнуса, но один том

оказался составленным в шестнадцатом веке сборником выдержек из трактатов по магии и алхимии. Не будучи особо сведущим в указанных дисциплинах, мистер Рэксолл считал нужным тщательно переписать все названия: «Книга Феникса», «Тридцатисловие», «Книга Жабы», «Книга Мариам», «Turba Philosophorum»^[2] и тому подобные. В особый восторг его повергла одна находка: трактат, озаглавленный «Liber nigrae peregrinationis»^[3] и написанный собственноручно графом Магнусом. Точнее сказать, то была лишь краткая, всего в несколько строк выдержка из названного трактата, однако и этого хватило для понимания того, какое поверье скрывалось за недомолвками трактирщика. Вот английский перевод этих строк.

«Всяк возжелавший обрести жизнь долгую и слугу верного и узреть кровь врагов своих надлежит вершить свой путь в город Коразин, дабы приветствовать там князя...» Следующее слово оказалось затертым, но не полностью, так что Рэксолл с уверенностью определил его как *aeris*, то бишь «воздух». Но далее следовала лишь одна строка по-латыни: «*Quaere reliqua hujus materiei inter secretiora*» (Прочее по сему вопросу искать надлежит среди материалов тайных)

Нельзя не признать, что это открытие представляло вкусы и пристрастия графа в довольно мрачном свете, однако для мистера Рэксолла, отделенного от покойного вельможи почти тремя столетиями, интерес последнего к алхимии и черной магии лишь делал его более живописной и привлекательной фигурой. Естественно, что прочтя эти бумаги, наш исследователь совсем по-новому взглянул и на висевший в холле впечатляющий портрет, так что когда он направился к себе в гостиницу, все его мысли вертелись вокруг графа Магнуса. Он не обращал внимания на окружающий ландшафт, не чувствовал запахов вечернего леса, не замечал отблесков закатного света на глади озера и был весьма удивлен, обнаружив, что за несколько минут до ужина ноги сами привели его не в трактир, а ко входу в усыпальницу.

— Ага, — пробормотал он, — вот ты где, граф Магнус. Мне бы очень хотелось тебя увидеть.

«Подобно многим, ведущим уединенный образ жизни, — пишет он, — я имею привычку разговаривать вслух сам с собой, конечно же не ожидая ответа. Не последовало его, возможно, к счастью, и на сей раз; во всяком случае словесного. Правда, едва отзвучали мои слова, в усыпальнице что-то звякнуло. Я вздрогнул от неожиданности, но тут же решил, что убравшаяся там женщина попросту уронила на каменный пол железку или медяшку. А граф Магнус наверняка спит очень крепко».

В тот же вечер трактирщик, знавший о желании мистера Рэксолла познакомиться с местным церковным клерком (какового в Швеции принято именовать диаконом), представил его этому служителю в холле гостиницы. В первую очередь англичанин заручился разрешением завтра же посетить усыпальницу де ла Гарди, а затем в ходе завязавшегося общего разговора вспомнил, что в обязанности шведских диаконов входит наставление мальчиков и девочек в вопросах веры перед конфирмацией и решил освежить свои библейские познания.

— Можете ли вы рассказать мне что-либо о Коразине?

Диакон несколько удивился, но охотно напомнил о постигшем это место проклятии.

— Думаю, там теперь одни развалины, — предположил мистер Рэксолл.

— Я тоже, — отозвался диакон. — Мне доводилось слышать, как кое-кто из старых диаконов говаривал, будто там должен родиться Антихрист, и ходили разные слухи...

— Что за слухи? — живо любопытствовал Рэксолл.

— Я как раз хотел сказать «слухи, которых я толком не запомнил», — откликнулся диакон и вскоре откланялся.

Зато трактирщик остался один на один с англичанином, твердо настроившимся вытянуть из него все, что возможно.

— Герр Нильсен, — промолвил он, — я уже разузнал кое-что о Черном Паломничестве. Почему бы вам не взять да и поведать мне, что знаете вы? Что привез оттуда граф?

Либо у всех шведов принято не спешить с ответами, либо же трактирщик составлял исключение — то мне неизвестно, однако, по свидетельству Рэксолла, герр Нильсен таращился на него добрую минуту, прежде чем вымолвил хоть слово. Потом он приблизился к своему постояльцу вплотную и медленно, словно с усилием, заговорил:

— Стало быть, так, герр Рэксолл, могу я рассказать вам одну маленькую историю, но только и всего. Только и всего. Как закончу, так все — больше меня ни о чем не спрашивайте. Так вот, толкуют, будто еще при жизни моего деда — девяносто два года назад — нашлись два человека, которые завели такой разговор: «Старый граф давно в гробу, и нам на него плевать. Сегодня же вечером пойдем, да поохотимся в его любимом лесу» — они толковали насчет того леса на холме, что вы могли видеть позади усадьбы. Другие люди, которые это слышали, стали говорить: «Не ходите туда, там вы можете повстречать тех, кому бы не надо разгуливать по лесам. Тех, кому лучше бы лежать спокойно». Но те двое только рассмеялись. Лесников там не держали, потому как в тот лес никто не отваживался ходить, да и хозяев в усадьбе в это время не было. Те люди могли делать, что вздумается.

Так вот, ближе к ночи они отправились в лес. Мой дед сидел здесь, в этой самой комнате. Стояло лето, ночь выдалась ясная. Окно было открыто, так что он мог смотреть и слушать.

Стало быть, сидел он, а с ним еще двое-трое, и все прислушивались. Внимательно прислушивались, но поначалу ничего не слышали, а потом оттуда — вы ведь знаете как это далеко — донесся крик, да такой, будто у кого-то вырвали душу. Те, кто был в комнате, с перепугу обхватили друг друга, да так, обнявшись, и просидели еще три четверти часа. А потом — этак элях^[4] в трехстах отсюда — раздался другой звук. Кто-то громко смеялся, но вовсе не один из охотников. Более того, все слышавшие это в один голос уверяли, что смеялся не человек. А потом что-то стукнуло, словно захлопнулась большая дверь, и все стихло.

Когда взошло солнце и стало светло, те люди вместе пришли к священнику и сказали: «Святой отец, облачайтесь и пойдем с нами хоронить тех несчастных, Андерса Бьорнсена и Ханса Торбьорна».

Заметьте, они были уверены в том, что оба охотника погибли. И вот — мой дед запомнил это на всю жизнь — все отправились в лес. Он рассказывал, что они и сами-то походили на мертвецов. Священник тоже был бледным от страха. Когда они пришли за ним, он сказал: «Я и сам слышал ночью в лесу крик, а потом смех, да такие, что если не смогу их забыть, то, наверное, никогда не смогу и заснуть».

Но, так или иначе, в лес они пошли, и у самой опушки нашли охотников. Ханс Торбьорн стоял, прислонясь спиной к дереву, и силился что-то оттолкнуть от себя руками. Да, он был жив. Его увели оттуда, привели в Никоонинг, к нему домой, и он прожил до самой зимы, но в себя не пришел: так и продолжал что-то отталкивать. Андерс Бьорнсен тоже был там, и он лежал мертвым. И вот что я о нем скажу: при жизни Бьорнсен слыл писанным красавцем, но теперь на нем не было лица. Вовсе не было, ибо вся его плоть была ободрана или сгрызена до самых костей. Вы понимаете, до самых костей? Мой дед помнил это до конца дней. И они положили Бьорнсена на погребальные носилки, которые принесли с собой, и покрыли материей, и запели, как могли псалом, и понесли тело. И едва успели допеть до конца первого стиха, как один, тот что держал носилки со стороны головы, упал, а остальные обернулись и увидели, что ткань с лица Бьорнсена сползла и глаза его глядят вверх, ибо их нечем прикрыть. Этого они вынести не смогли. Священник снова с головой укрыл покойного тканью, послал за лопатой, и

его похоронили на том самом месте.

Согласно заметкам мистера Рэксолла, на следующий день, вскоре после завтрака, пришел диакон и повел его в церковь. Оказалось, что ключ от усыпальницы висел рядом с кафедрой, и исследователю подумалось, что колючая дверь в церковь обычно не запирается, ему, коли он сочтет увиденное в усыпальнице заслуживающим более тщательного изучения, будет совсем нетрудно попасть туда и в одиночку. Надо сказать, что помещение выглядело впечатляюще и многое в нем оказалось достойным внимания. Величественные надгробные памятники, относившиеся главным образом к семнадцатому и восемнадцатому векам, украшали гербы и хвалебные эпитафии. Центральное место под сводом занимали три медных саркофага, покрытых искусной гравировкой. На крышках двух из них, по обычаю шведов и датчан, были изображены распятия, а на третьем, оказавшемся надгробием пресловутого графа Магнуса, — человеческая фигура в полный рост. По сторонам саркофага красовались выполненные в той же технике жанровые сцены: битва у стен города с изрыгающими огонь пушками и отрядами пикинеров,^[5] казнь и странное изображение человека, бегущего по лесу с развевающимися волосами и распростертыми руками, за которым гналось некое диковинное существо. Можно было предположить, что страшилище стало результатом неудачной попытки художника изобразить человека, однако, учитывая мастерство исполнения всех прочих деталей, мистер Рэксолл счел подобное маловероятным. Скорее пугающе-приземистая фигура, закутанная в балахон с капюшоном, из-под которого высывалась отнюдь не рука, но нечто похожее на щупальце какого-то дьявольского создания, — необычный образ соответствовал замыслу автора. «При первом взгляде на эту сцену, — пишет мистер Рэксолл, — я решил, что вижу аллегорическое изображение преследования грешной души каким-либо демоном, возможно как-то связанное с таинственной историей самого графа Магнуса. Ну, так, — сказал я себе, давайте посмотрим на задний план. Нет ли там дьявола, трубящего в рог?»

Но фигура, изображенная стоящей на холме среди деревьев, походила скорее на человека, чем на нечистого. Человек в плаще, опираясь на посох, наблюдал за погоней, причем в его позе художник сумел передать живейший интерес.

Помимо всего прочего, мистер Рэксолл отметил три прекрасной работы стальных висячих замка: два запирали крышку саркофага, а третий, отвалившийся, лежал на полу.

На этом, не желая более задерживать любезного диакона, он решил закончить утренний осмотр и отправился в усадьбу, чтобы продолжить разбор архива.

«Любопытно, — писал он в своих заметках, — что когда идешь знакомой тропой, погруженный в свои мысли, то вовсе не замечаешь окружающего. Скажем, сегодня, возвращаясь в трактир, я задумался о том, что не худо бы успеть заглянуть вечером в усыпальницу и скопировать эпитафии, и оказалось, что уже во второй раз ноги сами привели меня к этому мавзолею. Хуже того, оказалось, что я распеваю какую-то чушь: «Спишь ли ты, граф Магнус?» и еще что-то в том же роде, чего и не припомню. Надо полагать, со стороны я выглядел чудно».

В тот вечер, без труда найдя ключ, он занялся копированием эпитафий и оставался в усыпальнице до тех пор, пока наступившая темнота не сделала дальнейшую работу невозможной.

«Должно быть, — записал он в свой дневник, — мне только показалось, будто упал один замок. Вечером я нашел на полу два. Приладить их на место мне не удалось, так что пришлось оставить оба на подоконнике. Оставшийся держится на месте крепко, и хотя с виду это обычный пружинный замок, я ни в какую не мог сообразить, как он открывается. А ведь сумей я его открыть, так, наверное, дерзнул бы и заглянуть под крышку. Даже чудно, насколько притягивает меня особа этого, боюсь мрачного и жестокого, вельможи старых времен».

Следующий день пребывания мистера Рэксолла в Робеке оказался и последним. Он

получил письма, извещавшие о том, что дела требуют его возвращения в Англию. Работа с архивом была практически завершена, путь предстоял не близкий, так что он решил попрощаться, пополнить свои заметки несколькими заключительными штрихами и, не задерживаясь, отправляться в дорогу.

Правда, как оказалось на эти штрихи и прощания ушло несколько больше времени, нежели рассчитывал мистер Рэксолл. Гостеприимные хозяева усадьбы настояли на том, чтобы он отобедал с ними, а поскольку обед у них подавали в три часа, гость оказался за железными воротами Робека лишь около семи. Зная, что идет по тропе в последний раз, он всматривался в окрестности, стараясь почувствовать и запомнить этот край. Поднявшийся на вершину холма Рэксолл несколько долгих минут не отводил взгляда от бескрайнего, уходящего вдаль моря лесов, темневшего под прозрачным, зеленоватым небом, а когда уже повернулся, чтобы уйти, ему вдруг пришло в голову, что надо бы попрощаться с графом Магнусом и прочими покойными де ла Гарди. До церкви было рукой подать, где висят ключи, Рэксолл знал, так что совсем скоро он уже стоял перед большим медным надгробием и, по своему обыкновению, говорил сам с собой: «Да, граф Магнус, хоть, судя по всему, ты и был тем еще мошенником, я бы все равно не прочь с тобой повидаться, или...»

«В этот самый миг, — свидетельствует он, — я почувствовал удар по ступне и мигом отдернул ногу. Что-то, звякнув, упало на мощный пол: как оказалось, то был третий замок. Я нагнулся, чтобы поднять его, и... — Господь свидетель, все написанное здесь истинная правда! — не успев выпрямиться, услышал скрип металлических петель и увидел, как начала подниматься крышка. Возможно, я повел себя как последний трус, но, клянусь, ничто не заставило бы меня задержаться там даже на один миг. Чтобы выскочить наружу, мне потребовалось куда меньше времени, чем на написание этих строк, — я успел бы разве что произнести эти слова — но хуже всего то, что все мои попытки повернуть ключ в замке и запереть за собой усыпальницу закончились ничем. Сейчас, сидя в своей комнате, делая эти записи и вспоминая случившееся всего-то минут двадцать назад, я невольно вспоминаю скрип петель и думаю, что же творится там сейчас. Не знаю, как это объяснить, не могу это выразить, но испугавшее меня явление не сводилось к одному лишь звуку. Было и нечто другое, нечто большее. Что же я все-таки натворил?»

Бедный мистер Рэксолл! На следующий день он, как было задумано, отправился в обратный путь и добрался до Англии без препон, но, как могу я судить по путаным, бессвязным наброскам и изменившемуся почерку, вернулся на родину в состоянии крайнего нервного истощения. Одна из попавших мне в руки записных книжек дает если не ключ ко всему, то возможность получить хотя бы отдаленное представление о том, что ему пришлось пережить. Большую часть пути он провел на борту судна и при этом предпринял не менее шести мучительных попыток пересчитать и описать своих попутчиков. Вот некоторые из этих записей:

24. Деревенский пастор из Сканде. Обычный черный плащ и мягкая черная шляпа.

25. Торговец из Стокгольма, направляющийся по делам в Трольхаттан. Черный плащ, коричневая шляпа.

26. Неизвестный в длинном черном плаще и широкополой, очень старомодной шляпе... Последняя строка подчеркнута, и к ней сделана приписка: «Возможно, идентичен с № 13. Лица его я пока не видел».

Под номером 13 фигурировал римско-католический священник в сутане.

Совокупный результат всегда был одним и тем же. В перечне фигурировали двадцать восемь человек, причем один из них описывался как «высокий, в длинном черном плаще и широкополой шляпе», а другой как «приземистый, в темном плаще с капюшоном». С другой стороны, всегда отмечается что к обеду являются только двадцать шесть пассажиров, среди которых, возможно, отсутствует высокий, а низенький отсутствует наверняка.

Добравшись до Англии и высадившись на берег в Гарвиче, мистер Рэксолл немедленно решил оторваться от того человека или тех людей — кажется, в этом ему так и не удалось толком разобраться, — которых он считал своими преследователями. С этой целью, видимо не доверяя железной дороге, он нанял экипаж до селения Белшэм Сент-Пол. В лунный августовский вечер, около девяти часов, когда он, уже подъезжая к месту назначения, смотрел из окна на пролетавшие мимо заросли (пейзаж не отличался разнообразием), у развилки дорог появились две неподвижные фигуры. Один, повыше, был в плаще и шляпе, на голове другого был капюшон. Лиц незнакомцев он увидеть не успел, ибо, хотя ни один из них не шелохнулся, лошади внезапно рванули вскачь, а мистер Рэксолл в отчаянии обмяк на своем сиденье. Видеть этих двоих ему уже случалось.

По прибытии в Белшэм Сент-Пол он благополучно нашел довольно сносное жилье и следующие сутки провел в относительном спокойствии. Последние его записи сделаны как раз в тот день. Для того чтобы приводить их здесь полностью, они слишком сумбурны, бессвязны и эмоциональны, однако суть написанного сводится к ужасу ожидания визита его преследователей и обращенных к себе вопросов: «Что я натворил?» и «Есть ли надежда?». Несчастный понимал: доктора сочтут его безумцем, а полиция поднимет на смех. Приходской священник оказался в отъезде. Что ему оставалось, кроме как запереть дверь и воззвать к Богу?

В прошлом году в Белшэм Сент-Пол еще были люди, помнившие, как много лет назад, августовским вечером, в селение приехал странный джентльмен, и что наутро он был найден мертвым, и что нарядили следствие, и что когда тело предъявили присяжным, все семеро лишились чувств, и что никто из них не пожелал рассказать об увиденном, и что они вынесли вердикт «Божья кара», и что владельцы дома на следующей неделе бросили его и уехали куда глаза глядят. Но, как я полагаю, этим памятьвым старожилам неведомо, что следствие не приподняло, да и не могло приподнять даже краешек завесы над этой мрачной тайной. Случилось так, что в прошлом году этот дом достался мне в наследство. Поскольку он пустовал с 1863 г. и сдать его не имелось никакой возможности, я распорядился о сносе, а разбирая перед этим вещи, в старом комодке под окном лучшей спальни нашел те самые бумаги, с выдержками из которых вас познакомил.

notes

«Шведская старина и современность» (лат.).

«Ссора философов» (лат.).

«Книга Черного Паломничества» (*лат.*).

Эль — историческая мера длины около 113 см

Пикинеры — в 16 18 вв. пехота, вооруженная пиками.